

УДК 94(430)»1933/45»
ББК 63.3(4Гем)-44
Л36

Нарушение прав автора, правообладателя, лицензиара в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, включая, но не ограничиваясь УК РФ, КоАП РФ, ГК РФ влечет привлечение виновных к уголовной, административной и гражданской ответственности.

Perpetrators. The world of the Holocaust killers was originally published in English in 2017. This translation is published by arrangement with Oxford University Press. Ast Publishers is solely responsible for this translation from the original work and Oxford University Press shall have no liability for any errors, omissions or inaccuracies or ambiguities in such translation or for any losses caused by reliance thereon.

Перевод с английского Натальи Бородавкиной

Леви, Гюнтер

Л36 Преступники. Мир убийц времен Холокоста / Гюнтер Леви. – Москва: Издательство АСТ: ОГИЗ, 2019. – 336 с.— (Холокост. Палачи и жертвы).

ISBN 978-5-17-113530-0

Вот уже много лет тема Холокоста продолжает вызывать серьезные вопросы. Как в самом центре Европы превратились в преступников представители народа, давшего миру Шиллера, Гете, Бетховена? Книга исследователя Гюнтера Леви из Университета Массачусетса в Амхерсте дает читателю возможность познакомиться со свидетельствами из первых рук, прежде всего с приговорами 929 германских судов. Анализируя проблему личной ответственности участников массового уничтожения людей, автор не избегает неудобных тем. Ведь только сказав всю правду о Холокосте, можно быть уверенным, что это больше не повторится.

УДК 94(430)»1933/45»
ББК 63.3(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-113530-0

© Oxford University Press 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Предисловие

Спустя семьдесят с лишним лет после краха Третьего рейха попытка нацистов уничтожить еврейский народ, известная как Холокост, продолжает вызывать серьезные вопросы. На протяжении нескольких лет причиной смерти около шести миллионов мужчин, женщин и детей было исключительно их происхождение. Почти два миллиона евреев были расстреляны при ужасающих обстоятельствах, а остальные – удушены в газовых камерах и газвагонах, заморены каторжной работой и голодом. Само слово «Освенцим» является символом этого беспрецедентного преступления. Как могли эти ужасные события произойти в сердце христианской Европы среди народа, известного своими поэтами и мыслителями, – народа, давшего миру Шиллера, Гете, Баха, Бетховена и Брамса? Что превратило обычных людей в убийц, добровольно участвовавших, наверное, в самом страшном преступлении в современной истории? На этот вопрос я пытаюсь найти ответ.

Источники для подобного исследования находятся в свободном доступе, но при этом большая их часть остается неосвоенной. В немецких архивах собрано около пятидесяти тысяч писем с Восточного фронта, дневники солдат и офицеров, где описаны убийства евреев. Поскольку их авторы были непосредственными участниками событий, эти сообщения служат важным противовесом избирательной памяти обвиняемых. Сохранились воспоминания бывших узников концлагерей, многие из которых прожили со своими мучителями не один месяц. Наконец, что самое важное, имеются протоколы судебных заседаний по делам сотен нацистских функционеров, начиная с Нюрнбергского процесса 1945–46 гг. и заканчивая сегодняшними судебными заседаниями в Германии.

Самым ценным для исследования стало 49-томное собрание приговоров 929 германских судов, опубликованное издательством Амстердамского университета между 1968 и 2012 гг. Увы, аналогичного собрания материалов австрийских судов не существует, а потому нет сведений об австрийских нацистских преступниках. Голландское издание «*Justiz und NS-Verbrechen*» («Правосудие и преступления нацизма»), посвященное преступлениям, совершенным с 1939 по 1945 г., предоставляет уникальную возможность познакомиться с личными сведениями о нацистских убийцах. Охранники СС обычно не писали мемуары и после войны предпочитали залечь на дно. Поэтому материалы судов – это действительно ценная информация.

В соответствии с германским законодательством убийство или соучастие в убийстве являются един-

ственными преступлениями, на которые не распространяется срок давности, поскольку преступник действовал со злым умыслом или из низменных побуждений. Именно необходимость доказать наличие злого умысла позволила раскрыть важные детали преступлений. Судьи делали все возможное, чтобы установить намерения и мотивы подсудимых, в том числе собирали информацию о происхождении убийц и их политической деятельности, хотя эти данные не всегда использовались в ущерб обвиняемому. Для принятия решения и вынесения обвинительного приговора помимо подробного описания преступления использовались материалы допросов, аффидевиты, показания свидетелей, а также архивные документы. Ни один из этих источников, рассматриваемый отдельно, не является надежным, но вместе они демонстрируют достоверную картину. Эта информация позволила суду перепроверить то, о чем рассказывали или умалчивали подсудимые. Сегодня мы знаем о Холокосте во всех его ужасающих подробностях. Для тех, кто не владеет немецким языком, эта книга будет первой работой на английском, в которой использовался этот ценный языковой материал.

Поиск ответа на вопрос «Почему они совершили это?» невозможен без описания процесса убийств во время Холокоста. Однако книга – не очередная история Шoa. В центре этой работы – проблема осознания причин событий и роли отдельных личностей в развернувшейся программе убийства, проблема личной ответственности. Как немцы стали массовыми убийцами? Почему лишь немногие

отказались от участия в этом, когда была такая возможность, и при этом не подвергли опасности свою собственную жизнь? Наша книга для всех, кто ищет ответы на эти вопросы.

Некоторым читателям содержимое книги может показаться настолько омерзительным, особенно фотографии, что они могут обвинить автора в погоне за сенсацией и бесстыдным вуайеризмом. К сожалению, большая часть книги – это перечень ужасов, чему есть несколько объяснений. Как отмечал русский писатель и военный корреспондент Василий Гроссман о своих невероятно реалистичных репортажах, «даже читать об этом бесконечно тяжело. Пусть читатель поверит мне, не менее тяжело и писать об этом». Я привожу в свое оправдание тот же довод. Я не новичок в изучении истории Холокоста, однако смог написать эту книгу, когда выработал квазиклиническое отношение к материалу, с которым мне пришлось иметь дело, подобно тому, как хирурги относятся к виду и запаху крови, являющимся частью их профессии. Но, что важнее, я твердо убежден: подробное описание произошедшего с беспомощными жертвами Холокоста является ключевым для подобного рода исследований. Только полное описание ужасов и зверств позволит нам дать ответ на вопрос о личном участии. В частности, фотографии способны отразить реальность, которую невозможно передать словами.

Немецкий ученый еврейского происхождения Макс Хоркхаймер утверждал, что задачей еврейских интеллектуалов, которые избежали смерти, было содействовать тому, чтобы эти ужасы никогда

не повторились и никогда не были забыты. Я вырос в Германии и около шести лет жил под властью нацистского режима. Во время ноябрьского погрома 1938 года, известного как Хрустальная ночь, или Ночь разбитых витрин (*Kristallnacht*), я стал одной из жертв жестокости штурмовиков, и мой отец вместе с тысячами других взрослых мужчин-евреев был отправлен в концентрационный лагерь Бухенвальд. Он с большим трудом выдержал три месяца суровых испытаний. Мой интерес и стремление понять, почему так много немцев участвовало в преступлениях нацистов, связаны со страницами моей личной жизни, которые я не могу и не должен забыть.

Я хочу поблагодарить моих друзей, историков Абрахама Ашера и Дэвида Ларджа, за их комментарии к первоначальному варианту книги. Я признателен своей дочери Барбаре за внимательное прочтение и конструктивные замечания, сделавшие эту книгу более легкой для читательского восприятия. И самое главное, я в огромном долгу перед Нэнси Тофф, вице-президентом и ответственным редактором издательства Оксфордского университета. Это может прозвучать удивительно, но за многие годы моей научной работы она стала первым редактором, который уделит время рукописи автора и улучшил ее. Внимание Нэнси Тофф к деталям и ясности изложения достойно подражания, и ее помощь в работе над книгой стала для меня большой удачей.

Введение

После того как в сентябре 1941 года немецкие солдаты и их помощники из числа местных жителей расстреляли более 33 тысяч проживавших в Киеве евреев, одна из горожанок, Ирина Хорошунова, написала в своем дневнике, что часами напролет наблюдала, как раздетых людей вели к оврагу Бабий Яр. Она пыталась осмыслить увиденное и услышанное: «Одно знаю: происходит что-то ужасное, страшное, невообразимое, что нельзя ни понять, ни осознать, ни объяснить»¹. Увидев тысячи захороненных истощенных трупов после освобождения концентрационного лагеря Берген-Бельзен, корреспондент лондонской газеты «Таймс» заявлял в апреле 1945 года: «Мой долг – описать то, что выходит за рамки человеческого воображения»². И по сей день эта мерзость не поддается осознанию. Бывший узник концлагеря Эли Визель – один из многих, кто назвал трагедию еврейского народа необъяснимой. Ученый говорит о «черной дыре понимания человечества»³. Нацистские лагеря

уничтожения – не просто пример абсолютного зла, но, по утверждению Ханны Арендт, являются демоническим элементом, «стоящим за гранью жизни и смерти»⁴. И, если хотим избежать подобного в будущем, мы должны попытаться понять, что нас привело к таким страшным событиям.

В 1945 году 22 руководителя нацистской Германии предстали перед судом в Нюрнберге по обвинению в военных преступлениях. Учитывая серьезность предъявленных обвинений, неудивительно, что мотивация поступков объяснялась прежде всего патологией. Все совершенные поступки гестапо и СС (элитными войсками нацистской партии, возглавляемыми Генрихом Гиммлером), двумя преступными организациями, были настолько ужасны, что множество людей посчитало содеянное делом рук садистов, иначе говоря, психически больных. Такое чудовищное нарушение всех норм морали и права, несомненно, могли бы совершить только монстры. И позиция, возлагающая ответственность за эти гнусные преступления на демонических злодеев, позволила многим немцам верить, что это не они, а представители другого вида виновны во всем случившемся⁵.

Клинические обследования подсудимых в Нюрнберге, проведенные несколькими психиатрами и психологами, доказали несостоятельность патологического объяснения преступлений нацистов. По инициативе тюремного психиатра Дугласа Келли было проведено несколько диагностических тестов Роршаха, чтобы установить состояние подсудимых перед судом. По современным стандартам

реализация этих тестов оставляет желать лучшего, но первоначальная и повторная трактовки результатов привели к практически единодушному выводу: руководители нацистской Германии не были ни уникальными личностями, ни душевнобольными. У них не было диагностируемой патологии, которая могла бы объяснить зверства, совершенные по их приказу⁶. Все они осознавали разницу между добром и злом. Густав Гилберт, тюремный психолог, свободно владел немецким языком и регулярно посещал заключенных. В 1947 году он опубликовал «Нюрнбергский дневник», в котором подтверждает, что нет оснований сомневаться в здравом уме этих людей⁷. Психиатр Генри Дикс провел подробные интервью с несколькими рядовыми убийцами СС и пришел к аналогичному выводу: эти люди не были душевнобольными в общепринятом клиническом смысле⁸.

Во время судебных процессов по делу нацистских преступников общественность Германии часто видела в лице обвиняемых злодеев, которые не имели ничего общего с простыми немцами⁹. Более того, приписывая эти действия руководителям нацистской партии и «черному ордену» Гиммлера, можно оправдать население страны в целом. В Германии книга британского историка Джеральда Рейтлингера «СС. Алиби для нации» (1956 г.) вышла с названием «*Die SS Tragödie Einer Deutschen Epoche*» («СС: Трагедия германской эпохи»), и послесловием немецкого издателя, раскритиковавшего авторскую точку зрения об участии немцев в преступлениях нацистов¹⁰. «Немецкий солдат, — настаивали

выдающиеся политики послевоенной Германии, включая канцлера Конрада Аденауэра, – вел себя достойно»¹¹. Немецкие солдаты-христиане, заявлял епископ Гален в июне 1945 года, рисковали своими жизнями ради Отечества, сохраняя при этом свои «сердца и руки незапятнанными ненавистью, грабежом и беспричинными актами насилия»¹². Писатель Вальтер фон Моло в письме Томасу Манну в 1945 году утверждал: «Немецкий народ не делал этого»¹³. В сентябре 1951 года Аденауэр высказал мнение, что «немецкий народ, в подавляющем своем большинстве, питал отвращение к преступлениям, совершаемым против евреев, и не принимал в них участия»¹⁴.

Германия пыталась сбежать от своей собственной истории. Немцы считали себя народом-жертвой, беспомощным перед лицом тоталитарного террора и, следовательно, неспособным противостоять политике нацистов. Интересно, что это мнение сходно с позицией восточногерманского коммунистического режима, который расценивал немецкий фашизм как особую форму монопольного капитализма, поработившего германский народ. Вера в жертвенность немцев была широко распространена в первые послевоенные годы. Это нашло отражение в мрачной шутке, популярной в то время: «Немцы никогда не простят евреев за Освенцим». В 2006 году во время своего визита в Освенцим папа Бенедикт XVI (в миру – Йозеф Ратцингер) назвал себя «сыном народа, оказавшегося во власти банды преступников», народа, который «использовали как орудие разрушительной ярости и господства»¹⁵.

Таким образом, сомнительный тезис о коллективной вине немцев был вытеснен еще более неуместной идеей об их коллективной невинности¹⁶. Общество, пережившее психологическую травму, на обвинение в коллективной вине отвечало: «Мы не знали об этом!»¹⁷ Но почти никто не отдавал себе отчет в том, что утверждение о незнании о происходивших зверствах серьезно подрывало другое оправдание – невозможность противостоять преступлениям. Как было невозможно противостоять тому, о чем не знаешь?¹⁸

Последовали новые недоразумения. В первые два десятилетия после поражения нацистской Германии Холокост часто преподносили как следствие эффективной машины уничтожения, как преступление без преступников. Подход к исследованию Холокоста, известный под названием структуралистский или функционалистский, основное внимание уделял бюрократическому аппарату прежнего режима и замалчивал роль конкретных исполнителей. Убийство евреев рассматривалось как дело рук безликих бюрократов, которые были винтиками в безымянной машине уничтожения. Эта концепция помогала отвлечься от щекотливого вопроса об участии большого количества немцев в «окончательном решении» и ответственности немецкого общества за происходящее в эпоху нацизма. Но убийство евреев осуществлялось не бюрократией или любой другой «структурой». Евреев убивали не СС или иные организации, а конкретные люди. Предметом этого исследования являются эти преступники – непосредственные убийцы, которые

участвовали в массовых расстрелах, работали в концентрационных лагерях или лагерях уничтожения, подобных Освенциму.

К 1960-м гг. новое поколение выразило готовность посмотреть в глаза прошлому нацистской Германии честно и открыто. Важную роль в этих переменах сыграл ряд судебных процессов. Историки пытались найти объективные причины этих событий; юристы выясняли в суде вину или невиновность конкретных людей. И то, и другое помогло пролить свет на прошлое¹⁹. Прокуроры и судьи во время процессов почти всегда руководствовались дидактическими методами для привлечения нацистских преступников к ответственности за шокирующие зверства, о которых стало известно, и прояснения значимости этих событий. Свидетельские показания бывших узников по делу Адольфа Эйхмана, человека, организовавшего вывоз евреев в лагерь уничтожения, в 1961 году позволили сконструировать подробную картину повседневной реальности Холокоста, которая шокировала мир. В своей книге «Эйхман в Иерусалиме» Ханна Арендт назвала его символом «банальности зла», но сегодня эта точка зрения полностью опровергнута. Какими бы ни были достоинства концепции «банальности зла», она неприемлема для характеристики Эйхмана, яркого нациста и убежденного антисемита, и она совершенно не подходит для непосредственных убийц, чьи отвратительные поступки были освещены судом.

29 августа 1958 года суд Ульма вынес решение по делу десяти членов айнзацгруппы А (нем.

Einsatzgruppe, EG, «целевая группа»), оперативно-го карательного отряда, уничтожившего тысячи еврейских мужчин, женщин и детей в Литве²⁰. Судьи рассказали общественности Германии о подлинных ужасах, совершенных нацистами, поэтому эти судебные процессы нельзя было сбросить со счетов как те, которые были названы «правосудием победителей». Суд не только раскрыл отвратительные преступления, но и показал, что многие из самых страшных преступников живут обычной жизнью в послевоенном германском обществе, часто занимая ответственные должности.

Особое значение для задачи преодоления прошлого (*Vergangenheitsbewältigung*), с которой столкнулась новая Германия, представлял Освенцимский процесс во Франкфурте, который впервые обнародовал достоверную информацию об этом месте, где совершались чудовищные преступления. Длившийся с 20 декабря 1963 г. по 20 августа 1965 г., самый долгий в истории Германии суд присяжных вынес обвинительные приговоры 20 членам персонала лагеря Освенцим. Семнадцать мужчин были признаны виновными в убийстве или соучастии в убийстве, и шестеро получили пожизненное заключение, самую суровую меру наказания согласно германскому законодательству²¹. Эксперты из Института современной истории в Мюнхене представили детальный анализ системы концентрационного лагеря. Более четырехсот свидетелей, из которых примерно половина – бывшие узники, рассказали о том, как это было: жить и умирать в Освенциме – месте, ставшем символом мораль-

ного разложения нацистов²². Суд также выяснил, что некоторые нашли способы уклониться от участия в убийстве, и что ни один из них не понес за это серьезного наказания. Таким образом, довод многих подсудимых – убивали из страха за свою собственную жизнь – был ложным и использовался в личных целях. Даже в этой ужасной обстановке была возможность выбирать, как вести себя, хотя этим выбором воспользовались немногие.

Еще одной вехой в признании преступлений нацистов широкой немецкой общественностью стал 1979 год, когда в Германии был показан американский телесериал «Холокост». Фильм посмотрели 20 миллионов человек, половина взрослого населения ФРГ. Статья в журнале «Шпигель» резюмировала колоссальное впечатление, которое он произвел: голливудская мыльная опера «сделала то, что сотни книг, пьес, фильмов, телевизионных программ, тысячи документов и все судебные процессы над нацистами не смогли сделать за тридцать с лишним лет после окончания войны – рассказать немцам о совершенных во имя них преступлениях против евреев так, что миллионы людей были растроганы»²³. Люди отождествляли себя с семьей д-ра Йозефа Вайсса, поскольку он обладал чертами, которые каждому немцу были знакомы – состоятельный и образованный представитель среднего класса. «Смерть – это немецкий учитель», – написал переживший Холокост Пауль Целан в своем стихотворении «Фуга смерти», опубликованном в 1948 году²⁴. И вот впервые, примерно тридцать лет спустя, многие немцы заявили, что стыдятся того,